

**«...Они были моими духовными вожатыми...»
(О дружбе Бориса Чичибабина
с Григорием Померанцем и Зинаидой Миркиной)**

С. Б. Зайцева (Глибицкая),
гл. библиограф ЦНБ ХНУ им. В. Н. Каразина

"Да будут первыми словами этих моих раздумий на бумаге ... слова благодарности и любви, – писал Борис Алексеевич Чичибабин в своем эссе "Мысли о главном". – В начале 70-х судьба подарила мне близкое общение с двумя замечательными людьми – Зинаидой Александровной Миркиной и Григорием Соломоновичем Померанцем, вечное им спасибо! ... Сейчас имена Миркиной и Померанца стали известны многим, а тогда, особенно если учесть, что жили мы далеко друг от друга, в разных городах, найти их и обрести в них родных и близких людей было чудом". [1]

Когда в конце 1960-х годов в руки Бориса Чичибабина попали самиздатовские статьи Григория Померанца, они поразили его не тем даже, что открыли что-то новое, а тем, что в них, по словам поэта, он нашел "совпадение и подтверждение" тому, к чему пришел сам. Сформулированные в этих статьях мысли многие узнавали как свои. Кроме того, присутствовало отношение к автору, которое Андрей Дмитриевич Сахаров в своих воспоминаниях описал так: "...я впервые его тогда узнал и был глубоко потрясен эрудицией, широтой взглядов и "академичностью" в лучшем смысле этого слова". [2]

Григорий Соломонович Померанц был в то время одной из знаковых фигур неофициальной отечественной культурной жизни, а для советской печати – «персоной нон грата».

В 1965 году он выступил в Институте философии Академии наук с докладом, известным в самиздатном варианте как "Нравственный облик исторической личности", где остроумно и смело развенчивал возрождающийся культ личности Сталина.

Статья "Нравственный облик...", как и другая – "Человек ниоткуда", оказались очень близки Борису Чичибабину. В последней он увидел решение

проблемы интеллигенции и народа, которая особенно мучила его в те годы.

Встретиться с автором этих исследований Борису и Лилии Чичибабиным удалось в 1970 году – благодаря московскому знакомому, известному философу Арсению Гулыге (автору книги из серии ЖЗЛ о Гегеле).

В маленькой хрущевской квартире они впервые познакомились и с женой Григория Померанца, поэтессой и переводчицей Зинаидой Миркиной. Стихи Зинаиды Александровны тоже ходили по рукам, но в то время (вплоть до начала 1990-х годов) не могли быть опубликованы: ее духовная поэзия не укладывалась в рамки плоского мышления соцреализма.

Каково же было впечатление от знакомства у этих двух пар? Чувство настоящей встречи. Вот как Зинаида Миркина её описывает: "Тогда много людей приходило "на огонек" самиздатных статей Григория Померанца. Но этот приход был особый. Здесь был не только интерес, не только духовная жажда, но то чувство родства, та тяга к Главному (слово Бориса), которые связали нас на всю жизнь. Хотя при первом разговоре выступили разногласия. Заспорили из-за Достоевского. Борис сдвигал бровь, мрачнел. Был момент, когда я даже недоумевала: что же его привело сюда, если есть такое сопротивление? Но недоумение мое скоро прошло, когда открылась душа Бориса. А открылась она в стихах. В том, как он читал, и в том, как слушал. У него был редкий дар слушания. Он умел исчезать, становиться пространством для другого и был этим глубоко счастлив." [2]

Борис Алексеевич, в свою очередь, рассказывает в своем эссе: "Величайшим счастьем моей жизни были их беседы, во время которых они говорили оба, по очереди, не перебивая, а слушая и дополняя друг друга... Хотя говорили она и он, это был не диалог, а как бы выющийся по спирали двухголосый монолог одного целостного духовного существа, из снисхождения к слушателю, для удобства восприятия и ради большей полноты, разделившегося на два телесных – женский и мужской – образа. Таким же счастьем было слушать Зинины стихи... Это было вроде давидовой Псалтыри или, еще лучше, единой непрерывной молитвы со множеством разветвлений и вариаций... Это было похоже на чудо, в моем

представлении так творили Микеланджело, Бах, Моцарт – великие гении и послушные «Божьи ремесленники»..."

В часы блужданий без дорог,
Утраты горькой,
Что может дать молчащий Бог?
Себя – и только.

Что может дать душе ольха,
Склонясь к рябине?
Покой серебряного мха
И тёмных линий.

Стволы, увитые плющом,
Небес просветы...
Ты хочешь что-нибудь ещё?
А есть лишь это.

И бьются бедные слова
О бедность истин,

И покрывается трава
Слезами листьев.

Их медленным круженьем весь
Простор укачен.
Твоё бессмертие вот здесь
Молчит и плачет.

В часы блужданий без дорог,
Утраты горькой,
Что может дать молчащий Бог?
Себя – и только.

Но для тебя Он слишком прост,
Душа мечтала
О большем... От земли до звёзд –
Ужели мало?

Борис Алексеевич пишет: "На протяжении нескольких лет они были моими духовными вожатыми".

"Замечательно, что Г. Померанца и З. Миркину своими духовными вожатыми называет не юноша, обдумывающий житье, а зрелый, значительный поэт, много претерпевший в жизни", – отмечает в предисловии к их книге "Невидимый противовес" известный педагог Евгений Ямбург. [3]

А ведь они были почти ровесниками: Григорий Соломонович старше Бориса Алексеевича на 5 лет, но оба были участниками войны (правда, Борис служил в Закавказском военном округе, а Григорий прошел всю войну), у обоих был опыт лагерей, оба долгие годы были лишены возможности публиковаться в родной стране. Зинаида Александровна – младше их обоих, но, как до сих пор признает Григорий Соломонович, "она продвинулась дальше меня".

После встречи завязалась переписка. В одном из писем Борис Алексеевич пишет: "Я полюбил вас так, как давно никого не любил, мысленно все это время разговаривая с вами... После встречи с Лилей и нашей любви... встреча с вами была самым значительным событием моей жизни... По всему тому, что я

прочитал из написанного вами, у меня, опять-таки за исключением Лили, не было никого роднее и ближе, чем вы..." [4]

Они посылали друг другу все написанное и получали отзывы, глубокие и обстоятельные, делились впечатлениями от прочитанного, от просмотренных фильмов, говорили о том, что волновало и мучило, а главное, их послания дышали такой взаимной любовью!

Зинаида Александровна признается: "Каждое ваше письмо – это глоток воды в сухость или домашнее тепло – в холод..." Григорий Соломонович пишет: "Дорогие Борис и Лиля! Ваши письма надо носить в ладанке сердца. Такой глубокий отклик лучше самого толчка, который вызвал его..." Трепетное отношение к письмам и у Чичибабиных: "Как мы их ждем, как мы их читаем – сначала вместе и вслух, а потом каждый для себя глазами и сердцем..."

Порою Борис Алексеевич оспаривал какие-то суждения Григория Соломоновича. "О том, что пишет Григорий, – отмечает Чичибабин, – я могу... пусть почти всегда опрометчиво и неумно спорить с автором. Но о том, что пишет Зина, я не могу ни говорить, ни спорить, я могу это только принимать, благоговая... Представьте себе, что мне взбрело в голову написать письмо Ахматовой или Цветаевой. Что бы я мог написать им об их стихах, кроме несвязных слов благодарности, восхищения и преклонения?... Как могут люди жить на свете, заниматься своими делами ... когда рядом, в одно время с ними живет огромный, великий и никому не известный поэт... Ваши стихи потрясли и покорили нас полным, небывалым даже для русской поэзии, совпадением значимости и звучности, глубины и совершенства..."

Очень сердечно приняли Г. Померанц и З. Миркина и стихи Бориса. "Сонеты любимой, – по словам Григория Соломоновича, – стихи о любви, досветившие человека до иконы". "Главное у вас уже есть: человек человеку икона, святыня..."

В начале 90-х Зинаида Александровна поделится в одном из писем: "Только что в "Литературке" прочла Борины стихи. И так наплакалась... Господи, как точно, как больно, как по самому острию Г Л А В Н О Г О!... Все

стихи – от меня и за меня сказаны. От светлейших и кружевно-тонких до выворачивающих душу последних..."

Переписка иногда примолкала. "Нам обоим перепало так много от вашей духовной щедрости, – пишет, оправдываясь, Борис Алексеевич, – что требуется какое-то продолжительное время для того, чтобы основательно разобраться в этом многом, чтоб все это продумать, прочувствовать, усвоить или оспорить..."

Время от времени Чичибабины приезжали в Москву. Были совместные сидения у костра в лесу, погружения в тишину и созерцание.

"Сколько бы они с Лилей ни приезжали к нам, – отмечает Зинаида Миркина, – у меня было поразительное чувство, что пространство не убывает, а прибавляется с их появлением. На даче у костра сосны становились слышнее. И то, что всегда не слышно, что запрятано глубоко в сердце, вдруг расправлялось и звучало. Оно было окликнуто, востребовано. И вот мы все четверо становились одним целым". [5]

В московском доме устраивалась новогодняя елка, на которую иногда попадали Борис и Лиля. Это была не просто елка, а своего рода священнодействие. Вот как об этом вспоминает Борис Алексеевич: "...Что это была за ёлка! Специально для неё Зинаида Александровна писала сказку, каждый год – новую... Ёлка затейливо украшалась персонажами и образами написанной сказки. Её ставили в ведро с мокрым песком, она стояла неделями, долго, для того, чтобы на неё можно было пригласить друзей с детьми, близких, знакомых, всех, кто хотел послушать сказку, а таких всегда было много, а комнатка – маленькая, и таинство повторялось несколько вечеров... Сказка была с приключениями и тайнами, с ненавязчивым религиозным смыслом, долгой, высокой, доброй, празднично-светлой, как рождественская ёлка. Сколько людей побывало на этих вечерах, прослушало Зинины сказки, сколько детей, давно уже ставших взрослыми, научились из них правдолюбию, солидарности, благородству, добру!.. Я убеждён, что тот, кто хоть раз побывал на Зининой ёлке, не забудет её, благодарный, пока живёт на земле". [1]

Однажды в одном из писем Зинаида Александровна рассказала, какая у

нее есть любимая молитва, и Борис Алексеевич принял ее на всю жизнь "как самый дорогой подарок, как святой дар". Молитва это такая: "Господи, как легко с Тобой, как тяжело без Тебя. Да будет воля Твоя, а не моя, Господи!" "Я думаю сейчас, – пишет Чичибабин, – всем бы нам повторять эту Зинину молитву".

Нельзя не сказать, что с молодых лет Зинаида Александровна страдала (и продолжает страдать) неизлечимой болезнью, причинявшей ей такие страшные, невыносимые муки, что порой она просила Бога о смерти. Стараясь поддержать родного, любимого человека, Чичибабин написал стихотворение "Зине Миркиной". Там есть такие строки:

...Друг на земле и в Вечности сестра,—
вот Вы больны, вот мы от Вас далече,
но с нами — Ваши письма, наши встречи,
стихи в лесу, у Вашего костра.

Не Вы ли нам открыли свет глубин,
что есть во всех, но лишь немногим ведом,
и озарили тем блаженным светом
искус и мрак безжизненных годин?

Не Вы ли нам твердили о Творце,
о правоте Его сокрытой воли,
что нам нести без ропота и боли
и, вверясь ей, не думать о конце?..

...Зачем же вдруг, склонясь на голос тьмы,
о бедный друг, в той горестной заботе,
устан от мук, Вы смерть к себе зовете,
забыв свои бессмертные псалмы?..

...Но если это нужно так Ему,
мой скудный век Ему на усмотренье:
пусть Вам оставит свет, восторг, паренье,
а мне даст тяжесть, терния и тьму.

О, дай мне Бог недолго быть в долгу,
среди дрязг и чар, в одеждах лживых Духа.
Дай Бог Вам сил, и радости, и слуха.
Так я молюсь — и лучше не могу.

При всей любви и благоговении, которые Борис Чичибабин испытывал к своим московским друзьям, бывали длительные периоды перерыва в переписке, в общении. Тому было несколько причин.

Оставался неразрешенным спор о Достоевском. "Как-то у нас на даче, – вспоминает Зинаида Миркина, – Борис горячо говорил, что не хотел бы, чтобы я знала о тех безднах, которые открывает Достоевский. Чистый снег покрывает всю грязь, и нам надо видеть этот снег и ничего другого... Он хотел бы

отвернуться от тьмы и глядеть на свой любимый белый снег, забыв обо всем остальном, перечеркнув это остальное хотя бы на время.

Для нас с мужем все было (и есть) иначе. Свет – воин. Свет пронизывает тьму и во тьме светит.

Разногласие оказалось большим, чем казалось вначале. Отвернуться от тьмы, уйти в светлую мечту – или войти во тьму и, никогда не смешиваясь с ней, переглядеть ее?

Борис не верил, что тьму можно переглядеть. Он хотел только не глядеть на нее. Не входить в нее. "Мне ад – везде, мне рай у книжный полк", писал он в сонетах к любимой. Он был великий читатель. Для него мир книг был второй действительностью, более важной, чем первая. Великий читатель и великий мечтатель, считавший свою мечту Божьим миром, а окружающую Действительность – человеческим... В Борисе была великая жажда Бога, но работа по воплощению Бога была ему слишком трудна. Мечтать легче". [6]

В последних приведенных словах мы видим другую причину некоторого отдаления: жизнь в длительном созерцании, на таких высотах духа, где ему не хватало дыхания, была тяжела для Бориса Алексеевича. Когда он старался писать "светлые" стихи, к которым внутренне не пришел, они оказывались слабее выстраданных трагических. Зинаида Александровна пишет: "И я тогда написала ему, что лучшие его стихи сами хотят написаться, а эти – он хотел написать. За них хотел. Я говорила, что посреди ночи писать о том, что наступает рассвет, может быть, не надо, что надо дожить до рассвета, проживя всю темноту ночи, дожить до того, когда свет сам взойдет в сердце... Борис тогда обиделся на меня, хотя и отрицал это. Наступило некоторое охлаждение и перерыв в переписке". [6]

Григорий Померанц также, бывало, не только хвалил своего друга. Он вспоминает: "С предельной искренностью связан недостаток поэзии Чичибабина, из-за которого мы чуть не поссорились. Я внимательно прочел машинописный однотомник и написал Борису, что ему надо бы поработать над некоторыми стихотворениями, где одна-две строфы портят целое. Чичибабин

решительно отверг мое предложение. Прошло много лет, пока я понял его резоны. Стихотворение выливалось у него на бумагу под диктовку непосредственного чувства. Возвращаться назад, входить в прежнее настроение и переживать его, как актер переживает Бориса Годунова или Отелло, он не умел, считал для себя искусственным... Пушкинский тип творчества (прошла любовь, явилась муза), тип творчества по воспоминанию чувства, – этот принцип Чичибабину чужд..." [7]

В последние годы жизни, когда на Бориса Алексеевича, можно сказать, обрушилась известность, он, как вспоминает Лилия Семеновна Карась-Чичибабина, стеснялся перед своими московскими друзьями этой своей популярности, считал, что они более его заслуживают такой славы. Ему даже было неловко позвать их на свой творческий вечер в Москве. Но до последних дней Чичибабин сохранил по отношению к ним чувство преклонения и любви. Недаром свои "Мысли о главном", написанные в 1994 году, он начал со слов благодарности Зинаиде Миркиной и Григорию Померанцу. Внутренне никогда не отдалялись от своего харьковского друга и его "духовные вожатые". В своих статьях и выступлениях, посвященных ему, они пишут о Борисе Алексеевиче очень тепло и считают его творчество все более востребованным: "Ему был нужен Бог. Тот, который объединяет, а не разъединяет, творит, а не разрушает, – пишет Зинаида Александровна. – И потому голос Бориса Чичибабина, на мой взгляд, сегодня, может быть, важнее и нужнее, чем даже при жизни. И это великий признак настоящего неумирающего поэта".

А к Григорию Померанцу и Зинаиде Миркиной широкая известность придет позже – после издания в 1990-х – 2000-х гг. целого ряда книг, выхода телепередач с их участием и документальных фильмов о них. Появится много духовных учеников, которые живут в разных городах России и Украины, в Германии, Норвегии, США. Проявлением международного признания явилась премия Бьёрнстjerne Бьёрнсона, классика норвежской литературы. Г. С. Померанц и З. А. Миркина стали первыми лауреатами из России.

Число их почитателей постоянно растет. На персональный сайт Григория

Померанца и Зинаиды Миркиной приходит много писем-откликов, полных удивления и восхищения. Лекции, которые они читают в рамках духовного семинара в Музее меценатов, собирают все больше и больше людей, и зал, где проходят эти лекции, не может вместить всех желающих. Туда приезжают люди из разных городов и даже стран.

В одном из фильмов, посвященных Г. С. Померанцу и З. А. Миркиной, показанных по российскому каналу "Культура" в серии "Беседы с мудрецами", Григорий Соломонович сформулировал задачу, которую они ставят перед собой и перед всеми нами: "Надо создавать творческое меньшинство, верное своей собственной глубине. И здесь единственный путь для того, чтобы создать новый центр, вокруг которого шел бы процесс кристаллизации нового народа".

Литература:

1. *Чичибабин Б. А.* Мысли о главном / Борис Чичибабин // Борис Чичибабин в стихах и прозе. – Х., 1993. – С. 5–23.
2. *Сахаров А. Д.* Воспоминания : в 2 т. Т. 1 / А. Д. Сахаров. – М. : Права человека, 1996. – С. 422.
3. *Ямбург Е. А.* А все-таки оно есть. Методология счастья : О поэтессе Зинаиде Миркиной и философе Григории Померанце / Евгений Ямбург // Невидимый противовес : лекции, прочитанные на рубеже веков / Г. С. Померанц, З. А. Миркина. – М., 2005. – С. 5–16.
4. *Чичибабин Б. А.* Письма / Борис Чичибабин. – Х. : Фолио, 2002. – 462 с.
5. *Миркина З. А.* Памяти Бориса Чичибабина / Зинаида Миркина // Борис Чичибабин в статьях и воспоминаниях. – Х., 1998. – С. 193–199.
6. *Миркина З. А.* Трагический поэт и неутомимый мечтатель / Зинаида Миркина // Чичибабинские чтения : сб. материалов. – Х., 2006. – С. 29–35.
7. *Померанц Г. С.* Одиночная школа любви / Григорий Померанц // Дружба народов. – 1995. – № 12. – С. 173–180.